

Научная статья

УДК 343.32+343.34

doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.011

Мародерство как специальный вид имущественного преступления в условиях вооруженного конфликта: уголовно-правовая характеристика состава

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ

Ставропольский филиал Краснодарский университет МВД России,
Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика мародерства как специального состава преступления, обусловленного обстановкой вооруженного конфликта, военного времени либо ведения боевых действий. Исследуется специфика законодательной конструкции ст. 356.1 УК РФ, позволяющая разграничить мародерство и традиционные формы преступлений против собственности. Уделено внимание определению признаков предмета преступления, способа завладения имуществом, момента окончания состава, содержания корыстной цели, а также вопросам применения положений о крайней необходимости. Обосновывается вывод о критериях общественной опасности данного преступления.

Ключевые слова: мародерство; вооруженный конфликт; военное время; военное положение; международное гуманитарное право; преступления против мира и безопасности человечества; преступления против собственности; хищение; предмет преступления; корыстная цель; квалификация мародерства; уголовная ответственность.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Козаев Н. Ш., Рясков Д. А. Мародерство как специальный вид имущественного преступления в условиях вооруженного конфликта: уголовно-правовая характеристика состава // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2026. № 3 (35). С. 80–88. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.011.

Criminal Law Classification of Looting in Armed Conflict: Examination of the Elements of the Crime

NODAR SH. KOZAEV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru

DMITRII A. RYASOV

Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru

Abstract. The article considers criminal law classification of looting as elements of the crime determined by the context of an armed conflict, wartime, or combat operations. The article describes the specifics of the legislative structure of Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation that distinguishes looting from traditional forms of crimes against property. The analysis focuses on the distinguishing attributes of the subject-matter of the offence, the means of appropriation, the point of consummation, and the nature of the requisite pecuniary (self-interested) intent. It also examines the applicability of the necessity defense. The paper substantiates the criteria for evaluating public danger of this crime.

Keywords: looting; armed conflict; wartime; martial law; international humanitarian law; crimes against peace and the security of humanity; crimes against property; theft; object of the crime; mercenary purpose; qualification of looting; criminal liability.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kozaev N.Sh., Ryasov D.A. Criminal law classification of looting in armed conflict: examination of the elements of the crime. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2026, no. 3 (35), pp. 80–88. doi 10.46741/2713-2811.2026.3.35.011.

Современные вооруженные конфликты характеризуются не только изменением тактики применения военной силы, но и использованием соответствующей обстановки в корыстных целях участниками вооруженного противостояния. Нарушение установленных правил ведения боевых действий нередко выходит за пределы непосредственного причинения вреда противнику и затрагивает иные общественные отношения, связанные с защитой гражданского населения, сохранением имущества и обеспечением минимальных гуманитарных гарантий. Одним из таких проявлений выступает мародерство, поскольку в условиях вооруженного конфликта незаконное завладение имуществом приобретает дополнительную общественную опасность, обусловленную использованием обстоятельств, при которых возможности потерпевших по защите своих прав существенно ограничены.

В российском уголовном законодательстве ответственность за данное преступление закреплена в составе ст. 356.1 УК РФ. Закрепление соответствующей нормы свидетельствует о стремлении законодателя выделить соответствующий состав из системы преступлений против собственности, определив его качественные особенности существенно повышающими степень общественной опасности.

Данное преступление относится к категории деяний, которые в уголовно-правовой доктрине принято именовать конвенционными, поскольку его нормативную основу составляют положения международного гуманитарного права, закрепляющие обязательные стандарты поведения сторон вооруженного конфликта. Следует поддержать позицию А. К. Князькиной, согласно которой международное гуманитарное право опирается на установленные границы допустимого поведения участников вооруженного конфликта, исключающие использование военной обстановки в качестве средства противоправного завладения чужим имуществом [1, с. 306]. Данный вывод представляется обоснованным, поскольку запрет разграбления имеет не только имущественно-правовую, но и гуманитарную природу. Его назначение состоит в обеспечении защиты лиц, которые вследствие ранения, гибели, эвакуации либо иных последствий вооруженного конфликта объективно лишены возможности самостоятельно обеспечить сохранность принадлежащего им имущества.

Такой подход получил закрепление в положениях Женевской конвенции 1949 г. [2], возлагающей на стороны вооруженного конфликта обязанность принимать необходимые меры для защиты раненых и больных от ограбления и недопущения разграбления имущества погибших. При этом действие указанного запрета не зависит от масштабов военного противостояния, его интенсивности или характера: гуманитарные ограничения сохраняют силу на всем протяжении конфликта, поскольку их назначение заключается в минимизации произвольного насилия и обеспечении защиты лиц, наиболее уязвимых перед последствиями войны.

Именно данная международно-правовая основа во многом определила необходимость самостоятельного закрепления ответственности за мародерство в российском уголовном законодательстве. Введение ст. 356.1 УК РФ в научной литературе рассматривается как отражение стремления законодателя учитывать специфику данного деяния, которая не сводится исключительно к незаконному завладению имуществом, а связана с особой обстановкой совершения преступления и нарушением установленных правил поведения в период вооруженного конфликта.

Согласно ч. 1 ст. 356.1 УК РФ мародерством признается совершенное с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу военного либо иных лиц чужого имущества, включая имущество, находящееся при убитых или раненых, а также имущество гражданского населения. Такая законодательная конструкция позволяет выделить ключевой признак рассматриваемого преступления – использование чрезвычайной обстановки вооруженного противостояния для противоправного обращения чужого имущества в собственных интересах.

Размещение нормы в разделе «Преступления против мира и безопасности человечества» подчеркивает ее международно-правовую направленность и связь с гуманитарными обязательствами государства. Однако в научной литературе встречается позиция о целесообразности ее отнесения к преступлениям против военной службы, аргументируемая тем, что мародерство подрывает авторитет Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ), нарушает воинскую дисциплину и противоречит воинским традициям [3, с. 27].

В целом разделяя приведенную позицию, необходимо отметить, что она отражает лишь один из аспектов общественной опасности мародерства. Рассмотрение данного деяния исключительно через призму нарушения воинской дисциплины и авторитета ВС РФ не в полной мере раскрывает содержание охраняемых уголовным законом отношений, поскольку последствия мародерства выходят за пределы внутренней организации военной службы. Совершение таких действий затрагивает более широкий комплекс общественных отношений, основанных на международно-правовых принципах гуманного права. Именно данный аспект обуславливает дискуссию относительно его родового и непосредственного объекта.

В качестве основного непосредственного объекта мародерства, по мнению Д. А. Безбородова и В. В. Сомко, следует рассматривать общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленных международным гуманитарным правом правил ведения вооруженного конфликта в части обращения с чужим имуществом [4, с. 21]. Поддерживая мнение специалистов, отметим, что в составе мародерства посягательство направлено не только на имущественную сферу как таковую, но, прежде всего, на закрепленный международными нормами правовой режим использования и охраны имущества в условиях войны (боевых действий).

Дополнительным непосредственным объектом мародерства выступают отношения собственности, поскольку рассматриваемое деяние реализуется посредством противоправного безвозмездного изъятия чужого имущества и тем самым нарушает установленный правопорядок в сфере владения, пользования и распоряжения материальными благами.

Предмет мародерства образует любое движимое или недвижимое имущество независимо от формы собственности (частной, государственной, муниципальной и иной), а также правового статуса потерпевшего – будь то имущество физических лиц, включая военнослужащих, юридических лиц либо международных организаций. Как справедливо отмечает Д. В. Лобач, «использование законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 356¹ УК РФ формулы “в том числе” при указании на имущество, находящееся при убитых или раненых, а равно имущество гражданского населения, свидетельствует о неконкретизированном, открытом характере перечня» [5, с. 56]. Данная конструкция не ограничивает предмет исключительно названными категориями, а подчеркивает их социальную уязвимость в условиях вооруженного конфликта.

Дискуссионным представляется вопрос о возможности признания предметом мародерства объектов, изъятых из гражданского оборота либо ограниченных в нем. Речь может идти, в частности, о наркотических средствах, психотропных веществах, огнестрельном оружии и иных предметах, оборот которых подлежит специальному правовому регулированию. По мнению В. С. Коростелева, с формально-юридической точки зрения указанные объекты сохраняют признак имущественной ценности и, следовательно, способны выступать предметом безвозмездного изъятия [6, с. 43]. Однако их незаконное завладение в условиях вооруженного конфликта затрагивает дополнительные сферы общественных отношений, охраняемых уголовным законом (общественную безопасность, здоровье населения и т. д.). В этой связи обоснованным представляется применение правил квалификации по совокупности преступлений (например, со ст. 226 или ст. 229 УК РФ), поскольку содеянное выходит за пределы исключительно имущественного посягательства.

Одновременно следует отметить, что с позиций законодательной техники представляется возможным дальнейшее совершенствование конструкции ст. 356.1 УК РФ посредством выделения квалифицированных составов, предусматривающих ответственность за противоправное завладение предметами, обладающими повышенной социальной значимостью и потенциальной криминогенной опасностью. В этой связи следует согласиться с В. В. Власенко, который обоснованно указывает, что подобная дифференциация уголовной ответственности позволила бы более точно учитывать специфику предмета посягательства в условиях вооруженного конфликта и повысить эффективность уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений [7, с. 39].

Кроме того, представляется обоснованной позиция указанного автора о том, что предметом мародерства не могут признаваться вещи, лишенные экономической стоимости и не обладающие признаками имущества в гражданско-правовом смысле [7, с. 39–40]. К числу таких объектов могут быть отнесены, в частности, личные письма, фотографии, дневниковые записи и иные предметы, не имеющие самостоятельной имущественной ценности. Полагаем, что аналогичный подход применим к государственным наградам: их изъятие образует самостоятельный состав преступления, предусмотренный ст. 324 УК РФ, что исключает квалификацию по ст. 356.1 УК РФ в данной части.

Законодательная конструкция ст. 356.1 УК РФ не содержит указания на минимальный стоимостной порог предмета посягательства. Тем самым формально-юридические основания привлечения к ответственности возникают независимо от размера причиненного имущественного ущерба. Однако подобная нормативная неопределенность не предполагает императивного признания уголовно наказуемым любого, в том числе минимального по стоимости, изъятия, поскольку на данное деяние, как и на иные преступления, распространяется действие ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности, допускающей учет характера и степени общественной опасности конкретного поведения.

В случаях завладения предметами незначительной материальной ценности при отсутствии иных отягчающих обстоятельств не исключается возможность признания деяния малозначительным в смысле ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако такая оценка допустима лишь при условии, что посягательство не сопровождается признаками, повышающими степень его общественной опасности и не влечет существенного нарушения охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Вместе с тем применение общих положений о малозначительности деяния к отдельным случаям совершения мародерства требует дифференцированного подхода с учетом конструкции конкретного состава преступления. Как справедливо отмечает Д. Ю. Корсун, признание малозначительными квалифицированных и особо квалифицированных видов мародерства представляется необоснованным, поскольку их повышенная общественная опасность уже получила законодательную оценку через включение дополнительных квалифицирующих обстоятельств, таких как причинение вреда жизни или здоровью человека, а также значительный имущественный ущерб [8, с. 113]. Поддерживая суждение автора, следует подчеркнуть, что общественную опасность деяния составляют не столько неправомерный характер завладения чужим имуществом, сколько обстановка вооруженного конфликта, существенно повышающая степень общественной опасности содеянного. Поэтому считаем справедливой позицию специалистов, исключающих возможность применения положений о малозначительности к таким формам мародерства.

Наряду с этим дискуссионным остается вопрос о возможности уголовно-правовой оценки действий лица, заглаживающего предметами, находящимися на местах захоронений. Разрешение данной проблемы непосредственно связано с определением правового режима такого имущества и установлением того, сохраняет ли оно признаки чужого имущества как обязательного элемента состава преступления. Если вещь была добровольно оставлена собственником и в результате этого утратила связь с конкретным лицом, она не может рассматриваться как предмет чужой собственности в уголовно-правовом смысле [9, с. 56]. В данном случае отсутствует один из ключевых признаков хищения, а именно обращение имущества, принадлежащего другому лицу, что исключает возможность квалификации содеянного по ст. 356.1 УК РФ.

Иное решение вопроса возможно лишь тогда, когда имущество сохраняет принадлежность определенному владельцу либо находится во владении лиц, уполномоченных обеспечивать его сохранность. Например, завладение личными вещами погибшего военнослужащего или гражданского лица, находящимися при нем либо переданными для хранения, сохраняет признаки противоправного обращения чужого имущества и требует оценки с учетом положений о мародерстве.

Анализ объективной стороны мародерства предполагает обращение к системной взаимосвязи ст. 356.1 УК РФ с общими положениями уголовного закона о хищении как родовом имущественном посягательстве. Использование законодателем терминологического конструкта «безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества» свидетельствует о том, что рассматриваемый состав сконструирован как специальная форма хищения, специфика которой определяется не столько способом завладения, сколько особой обстановкой совершения деяния – военным временем, режимом военного положения либо условиями вооруженного конфликта.

В уголовно-правовой доктрине сложились различные подходы к толкованию диспозиции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ. Согласно одной позиции, мародерство может реализовываться лишь в формах, предполагающих фактическое изъятие имущества из владения потерпевшего, – в виде кражи, грабежа либо разбоя [10, с. 105]. Аргументация сторонников данного подхода строится на том, что отсутствие указания на вверенность имущества препятствует квалификации как присвоения и растраты, а термин «изъятие» не в полной мере соотносится с конструкцией мошенничества, основанного на обмане или злоупотреблении доверием [11, с. 57].

Иная точка зрения исходит из расширительного толкования нормы и предполагает, что законодатель, не конкретизируя способ совершения, допускает реализацию мародерства посредством любых форм хищения при условии наличия корыстной цели и совершения деяния в предусмотренной законом обстановке [12, с. 43].

Разрешение указанной доктринальной проблемы, на наш взгляд, связано, прежде всего, с обращением к содержанию законодательной конструкции мародерства и ее соотношением с общими признаками хищения. Использованный в диспозиции ст. 356.1 УК РФ терминологический конструкт «безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества» не является случайным и соответствует сложившейся юридической технике описания родовых признаков хищения. Его смысловое содержание указывает на необходимость учета не только факта завладения имуществом, но и характера действий виновного, направленных на установление фактического контроля над предметом преступного посягательства.

Следовательно, момент окончания мародерства следует связывать не с устремлением лица извлечь корыстную выгоду, а с фактическим приобретением возможности владеть, пользоваться либо распоряжаться незаконно приобретенным имуществом потерпевшего. Такой подход, по мнению К. В. Вишневецкого, А. А. Кашкарова и М. В. Рудика, позволяет сохранить внутреннюю согласованность ст. 356.1 УК РФ с общей конструкцией преступлений против собственности и одновременно учитывать специфику совершения данного деяния в условиях вооруженного конфликта [3, с. 27].

Наряду с деянием, образующим объективную сторону мародерства, необходимо обратить внимание на обстоятельства, при которых оно приобретает квалификационное значение в составе ст. 356.1 УК РФ. К числу обязательных признаков рассматриваемого состава относится время его совершения, поскольку законодатель связывает ответственность за мародерство не с любым незаконным завладением чужим имуществом, а с действиями, совершенными в особой обстановке, – в период военного времени, вооруженного конфликта либо ведения боевых действий.

При этом понятие военного времени имеет бланкетный характер и раскрывается не в уголовном законе, а в положениях законодательства об обороне. Согласно ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 14.11.2025) «Об обороне» военное время представляет собой период, начинающийся с момента объявления состояния войны либо фактического начала военных действий и завершающийся объявлением об их прекращении, но не ранее фактического окончания таких действий.

Не менее значимым признаком является обстановка совершения преступления, характеризующаяся совокупностью объективных условий, в которых реализуется противоправное поведение. Бланкетный характер ст. 356.1 УК РФ обуславливает необходимость обращения к иным нормативным источникам. Так, Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» определяет военное положение как особый правовой режим, вводимый Указом Президента Российской Федерации в случае агрессии либо непосредственной угрозы агрессии. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976, раскрывает понятие вооруженного конфликта как вооруженного столкновения ограниченного масштаба

между государствами либо противоборствующими сторонами в пределах территории одного государства, разграничивая международные и внутренние конфликты. Следовательно, квалификация мародерства требует установления наличия соответствующего правового и фактического обстоятельства, в котором осуществляется посягательство.

При этом оценка действий лица, внешне соответствующих признакам мародерства, требует учета обстоятельств, исключающих преступность деяния. Одним из таких обстоятельств является крайняя необходимость, поскольку условия вооруженного конфликта могут создавать ситуации, в которых обращение к чужому имуществу обусловлено не стремлением к незаконному обогащению, а необходимостью предотвращения более значительного вреда.

В частности, изъятие лекарственных препаратов, средств связи, продуктов питания или иных предметов первой необходимости в ситуации непосредственной угрозы жизни и здоровью людей может быть направлено на устранение возникшей опасности, а не на получение имущественной выгоды. В подобных случаях содеянное подлежит оценке с учетом положений ст. 39 УК РФ о крайней необходимости и при наличии предусмотренных законом условий не может рассматриваться как преступление.

Рассмотрев признаки, характеризующие внешнюю сторону состава мародерства, следует обратиться к уголовно-правовой оценке его внутреннего содержания.

Субъективная сторона мародерства характеризуется прямым умыслом и обязательной корыстной целью. Виновное лицо осознает не только фактический характер совершаемых действий, связанных с изъятием или обращением чужого имущества, но и понимает, что действует в особой обстановке, а именно в период военного времени, вооруженного конфликта либо ведения боевых действий. При этом его воля направлена на противоправное обращение имущества в свою пользу либо в пользу иных лиц.

Именно корыстная цель выступает тем признаком, который позволяет отграничить мародерство от хищения. В случаях же, когда виновный действует без цели извлечения имущественной выгоды, например для устранения непосредственной угрозы жизни или здоровья людей, вопрос об ответственности должен решаться с учетом иных положений уголовного закона.

Субъект мародерства соответствует общим признакам субъекта преступления, установленным уголовным законом. Диспозиция ст. 356.1 УК РФ не устанавливает каких-либо специальных требований к лицу, совершившему данное преступление.

Определяя возрастные границы уголовной ответственности за мародерство, законодатель исходил из общего подхода, закрепленного в ст. 20 УК РФ, установив возможность привлечения к ответственности за данное преступление с шестнадцатилетнего возраста.

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о правовой оценке действий несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, которые совершают завладение чужим имуществом в обстоятельствах, внешне соответствующих признакам мародерства. Формальное сходство таких действий с составом преступления, предусмотренным ст. 356.1 УК РФ, само по себе не позволяет применять указанную норму, поскольку виновные к моменту совершения преступления не достигли возраста уголовной ответственности. В связи с этим считаем оправданным содеянное при данных обстоятельствах квалифицировать исходя из фактического содержания содеянного.

Подводя итоги исследованию, считаем правильным рассматривать мародерство как преступление, сочетающее в себе признаки посягательства на отношения собственности и ставящее под угрозу гарантии, сформированные международным гуманитарным правом для периода вооруженного противостояния. Именно сочетание имущественного и гуманитарного аспектов обуславливает необходимость самостоятельного уголовно-правового регулирования данного деяния и формирования единообразных подходов к его квалификации.

Дальнейшее развитие законодательства в данной сфере может быть связано с более детальной дифференциацией уголовной ответственности с учетом характера предмета посягательства и степени общественной опасности конкретных форм мародерства. В частности, требует дополнительного научного осмысления вопрос о выделении квалифицирующих обстоятельств, связанных с незаконным завладением имуществом, имеющим особое значение для обеспечения жизнедеятельности населения в условиях вооруженного конфликта либо способным повлечь дополнительные тяжкие последствия. Такой подход позволил бы более точно учитывать различные варианты проявления данного преступления и обеспечивать соответствие уголовно-правовой оценки реальной опасности содеянного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Князькина А. К. Понятие и классификация конвенционных преступлений и их место в системе Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 302–311.
2. Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540383/chapter/6c1cd64c4ef27b5d5b90eeb7b25f85dc/?ysclid=mmekqb1lr6594727144> (дата обращения: 12.02.2026).
3. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А., Рудик М. В. Мародерство: новая уголовно-правовая трактовка // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 25–30.
4. Безбородов Д. А., Сомко В. В. Мародерство: особенности объекта и объективной стороны преступления // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 19–25.
5. Лобач Д. В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1 (93). С. 53–61.
6. Коростелев В. С. О предпосылках для корректировки предмета составов хищения и вымогательства вещей, ограниченных в обороте или изъятых из оборота // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2014. № 2 (16). С. 41–47.
7. Власенко В. В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9 (1067). С. 37–43.
8. Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние с квалифицирующими признаками // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 112–116.
9. Исмаилов Р. А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1 (15). С. 55–59.
10. Понаровкина А. М. Хищение надмогильных сооружений и имущества, находящегося в захоронении: вопросы уголовно-правовой квалификации // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2021. № 22. С. 103–110.
11. Анисимов В. Ф. Присвоение или растрата: спорные вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 1. С. 55–60.
12. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 39–44.

REFERENCES

1. Knyaz'kina A.K. Concept and classification of convention crimes and their place in the system of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2009, no. 1, pp. 302–311. (In Russ.).
2. *Zhenevskaya Konventsiya o zashchite grazhdanskogo naseleniya vo vremya voyny (Zheneva, 12 avgusta 1949 g.)* [The Geneva Convention for the Protection of Civilian Persons in Time of War (Geneva, August 12, 1949)]. Available at: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540383/chapter/6c1cd64c4ef27b5d5b90eeb7b25f85dc/?ysclid=mmekqb1lr6594727144> (accessed February 12, 2026).

3. Vishnevetskii K.V., Kashkarov A.A., Rudik M.V. Pillage: a new criminal legal interpretation. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2023, no. 2, pp. 25–30. (In Russ.).
4. Bezborodov D.A., Somko V.V. Looting: characteristics of the crime target and specifics of actus reus in the crime. *Kriminalist = Criminalist*, 2024, no. 2 (47), pp. 19–25. (In Russ.).
5. Lobach D.V. Criminal law characteristics of looting as a crime against the peace and security of mankind in the Russian criminal legislation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2023, no. 1 (93), pp. 53–61. (In Russ.).
6. Korostelev V.S. On the prerequisites for adjusting the subject matter of the elements of theft and extortion involving items restricted in circulation or withdrawn from circulation. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo Bulletin of the Samara Humanities Academy. Series: Law*, 2014, no. 2 (16), pp. 41–47. (In Russ.).
7. Vlasenko V.V. Criminal liability for looting. *Zakonnost' = Legality*, 2023, no. 9 (1,067), pp. 37–43. (In Russ.).
8. Korsun D.Yu. A minor act with qualifying features. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2019, no. 9, pp. 112–116. (In Russ.).
9. Ismagilov R.A. Some problems in qualifying the theft of property from the bodies of the deceased and their burial sites. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (15), pp. 55–59. (In Russ.).
10. Ponarovkina A.M. Theft of grave structures and property located in the burial: issues of criminal law qualification. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU = Scientific Notes of the Tambov Branch of RoSMU*, 2021, no. 22, pp. 103–110. (In Russ.).
11. Anisimov V.F. Misappropriation or embezzlement: controversial issues of classification. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2007, no. 1, pp. 55–60. (In Russ.).
12. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Qualification of looting and its delimitation from other crimes. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (64), pp. 39–44. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НОДАР ШОТАЕВИЧ КОЗАЕВ – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, Ставрополь, Россия, nkosaev@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РЯСОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Россия, ryasov_dmitriy@mail.ru

NODAR SH. KOZAEV – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Research Work of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, nkosaev@mail.ru

DMITRII A. RYASOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law and Law Enforcement Intelligence Operations of Internal Affairs Bodies of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Stavropol, Russia, ryasov_dmitriy@mail.ru

Статья поступила 16.07.2026